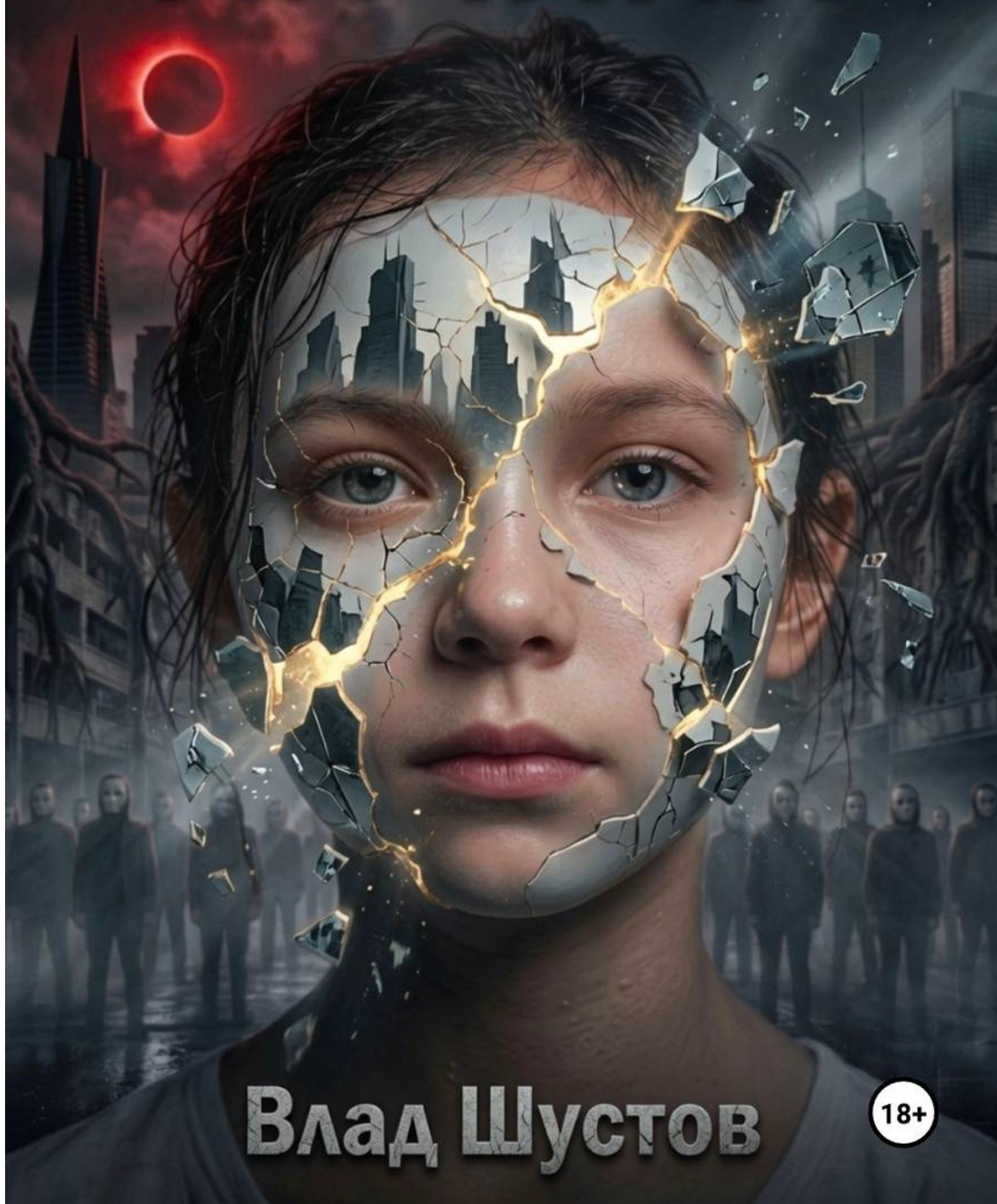

ЛИЧИНА

Влад Шустов

18+

Влад Шустов

Личина

«Автор»

2026

Шустов В.

Личина / В. Шустов — «Автор», 2026

В этом мире совесть вымерла, как динозавры. Детям показывают её в музее — под бронестеклом, как смертельный вирус, погубивший целые цивилизации. Здесь каждому новорождённому дарят маску вместо лица, зеркала выпивают души, а за честность стирают из реестров — навсегда. Прозор — Главный оценщик масок, лучший в стране. С одного взгляда он вычисляет процент лжи в любой улыбке. Сто четырнадцать человек стёрты его подписью. Но однажды на его стол ложится дело 11/б: мальчик, на котором не держится ни одна маска. Аномалия, которую приказано уничтожить за сутки. У Прозора 24 часа — и выбор: стереть находку, как всегда, или скрыть её от системы и стать дичью для тех, кто охотился рядом с ним двадцать лет. Погоня начинается ночью, когда кровавая луна входит в тень — и маски проступают на лицах. Финал этой охоты увидит вся страна в прямом эфире. Одна секунда правды против тысячи лет лжи. Дочитаешь — и посмотришь в зеркало дольше обычного.

© Шустов В., 2026

© Автор, 2026

Влад Шустов

Личина

ЛИЧИНА

повесть

Пролог. Великий ремесленник

Внизу, глубоко под городом, под фундаментами домов, под руинами и костями древних вымерших цивилизаций, тысячелетиями дремало нечто — выжившее после всех катаклизмов земли, нечто, которому было не один миллион лет. Как исполинский чёрный гриб, распростёрло оно свой мицелий по всей земле, и гигантские плевелы его окутали все суши и океаны. Корни его напоминали корни древнейшего Древа, и ему дали имя — Спящий Демиург. По древним писаниям это и был Великий ремесленник, создатель сущего, которого называли Богом и которому поклонялись как самой древней святыне, ибо не было на земле ничего древнее его. Когда Древо подавало признаки жизни и корни его шевелились, происходили приливы и отливы, двигались материки, случались землетрясения и великие катаклизмы. Это считалось гневом Бога — за то, что люди нарушали его заветы. А заветом было одно: служение трём Великим Архетипам, Паразитам, прописавшим всю конституцию здешней жизни и поддерживавшим жизнь самого Спящего Демиурга.

Из него, из Древа, проросли — а по официальным скрижалям были возведены — три Башни, уходившие так глубоко в землю, что доставали до самого сердца Демиурга. А точнее — прорастали из него. Так думали все, но на самом деле не знал никто. Каждая Башня, как отдельная грань единой иерархии, отражала свою силу и свой закон, которым подчинялись все; их так и звали — три Башни Всевласти. Триединая ипостась над тремя Верховными — то самое коллективное бессознательное — служила высшей инстанцией и была государственной религией. Три Башни стояли стержнем и опорой бытия, столпами основания, тремя китами. Место же, где глубоко под землёй они соединялись с Древом, называли Хранилищем власти. Там, под городом и руинами погибших цивилизаций, жил Банк-организм: там рождалась вся власть мира, там её печатали днём и ночью — билеты, за которые можно было купить буквально всё, обиходную мировую валюту, которой дали имя Власть Дающие. По древним тоннелям их развозили к Башням и раздавали тем, кто реально заслужил их перед Высшими Архетипами; остальное оседало в кредитных Хранилищах.

Вокруг этих Башен мир был погружён в войны и завоевания и участвовал в чудовищных распрях: ни дня мира не было на земле уже не одну сотню лет. Мир привык к выживанию; лишь немногим странам удавалось сдерживать его натиск, и потому жили сегодняшним днём — завтра было непостижимо, а порой и просто нереально. Мир был погружён в страх, и этот страх питал корни Спящего Демиурга. И не только страх: злость и ненависть, лукавство и притворство, ехидство, похоть, страсть — все пороки мира. Он был их пожирателем. Любая маска передавала ему человеческую жизненную силу, и это была дань, которая исправно вознаграждалась Властью Дающими, — что и наполняло здешнюю жизнь смыслом.

Никто не видел его корней целиком. Чёрные жилы толщиной с дом оплетали подземные залы Хранилища, вылезали наружу, на поверхность земли, и впитывали в себя всю злобу мира — и было им от этого хорошо, и они росли. Каждая маска отдавала жизненные силы своего носителя, когда тот смотрелся в зеркало, любясь собой, — а зеркала стояли в каждом доме, на улицах, везде, где только можно было их разместить: мир казался сплошным зазеркальем. Через эти зеркала Великие Паразиты впитывали силы людей и передавали их Спящему Демиургу, а тот преобразовывал их во Власть Дающие — и этой же энергией запускались исполинские машины Хранилища. Когда энергии не хватало, Власть Дающих печаталось меньше,

начинался кризис, и экономики рушились. Чтобы этого избежать, требовалось создавать новые маски, воплощать их и примерять людям. В этом и состояла суть Верховных Архетипов: творить должную культуру и моду — по духу Великого ремесленника. Развращение человека было единственным, что позволяло запустить гигантские машины на полную мощность; обесчеловечивание было тайной прерогативой, на которую и делался главный акцент. И человек был изменён: он стал коварен, стал хитёр и не вмещал в себя ни капли морали — её стёрли с лица земли задолго до возникновения этой нации и всей этой цивилизации. О морали и нравственности здесь не ведали и не знали об их существовании. А Совесть вымерла, как древнейшие динозавры. Культура была лишена этих стержней, и миром правил один эгоизм.

Глава первая. Безликие

Корни шевелились и гнали по земле волны приливов. Этим ранним утром Прозор проснулся за минуту до отлива — как просыпался двадцать лет подряд. Первым делом полагось посмотреть на своё отражение: это был не просто обычай, а культ и закон, нарушить который было нельзя. Он встал у зеркала, как подобает человеку его огранки.

Сначала зеркало не отражало ничего. Вернее, отражало то, что здесь старались не разглядывать: сплошное мутное, расплывчатое лицо безликого — так называли то, что жило под маской. Сущность без черт и без характера, нечто без названия, формы и личности — до тех пор, пока человек не решался надеть маску дня насущного. У кого-то их было множество, у кого-то одна-единственная; чем большим числом масок ты располагал, тем мощнее считалась личность и тем шире был доступ к обретению Власть Дающих. Такова была жизнь, и на маски шла охота, как на ресурс, — как на главную ценность этого мира.

Зеркала этого мира отражали только ту маску, которую человек примерял на день насущный — по настроению или по желанию, — и, только надев её, он становился человеком и обретал то, что здесь называли лицом: становился Ликим. Каждый знал, что носит маску, — этим гордились, это было почётно и достойно. Но заполучить очередную маску стоило особых усилий: ради них шли на риск, на смерть, на хитрость и подлость — и даже на войну. Пока люди видели своё отражение в зеркалах, они были сильны и владели той властью, которую давала именно эта маска.

Само же зеркало было особым прибором Башни, отражавшим лишь ту грань, которую человек носил. В нём жила своя метафизика: через маску душа человека исходила в зеркало, и оно незаметно впитывало её жизненные силы. Люди этого не чувствовали и не видели — да это и не было важным: маска давала Власть Дающие, а это было куда важнее и желаннее. У некоторых жизнь вытягивалась так сильно, что, казалось, видно было, как человек стареет прямо на глазах. Но видно это было только Великим Архетипам, не людям: себялюбие скрывало от носящего все изъяны маски, сидящей на его лице.

Прозор стоял перед зеркалом и рассматривал своё расплывчатое, мутное отражение.

— Форма дня: служебная, — сказал он, и ум сам, привычно и быстро, подобрал выражение. На мутном безликом образовании стали проявляться черты, проступило лицо: внимательная строгость, треть усталой мудрости, ни грана любопытства. Любопытство в его ремесле считалось профессиональным браком. Это была его обыденная, ежедневная маска, к которой он давно свыкся, — не то чтобы она ему по-настоящему нравилась: он к ней просто привык.

Он разгладил маску на лице, и та вмиг обрела цвет кожи и морщины, цвет глаз и седых волос. Расплывчатое пятно превратилось в человека лет пятидесяти со строгими чертами лица.

— Слава Великому, — сказал он зеркалу.

— Слава Взирающему, — отозвалось зеркало голосом Башни и списало утреннюю дань: три единицы Власть Дающих, добровольное пожертвование, транзакция благословенна.

Когда маска окончательно приняла лицо, он поклонился зеркалу, отдавая должное, и стал собираться на службу. Так делали все. Кто не совершал этого обычая, тот лишался маски, изымался из верховной благодати Великих Архетипов и становился безликим навсегда — таких

обходили стороной, как прокажённых. Это было равносильно проклятию и списанию самой жизни.

Прозор был одним из немногих, кто знал: зеркала не просто отражают — у них есть глаза, они видят всё и наблюдают. У него было на этот счёт особое предчувствие, о котором он боялся даже думать. Он был Мудрецом второго круга, Главным Оценщиком масок, и притом первой категории: двадцать лет службы — ни одной трещины, ни единого сбоя в оценке и заключении; чистейшая репутация специалиста, в которой отражались многолетний опыт и талант. Своё отражение он любил, но не настолько, чтобы придавать этому особое значение: для мастера это был инструмент. Прозор — один из немногих в городе — видел в зеркале не лицо. Он видел механику и структуру, огранку и штрихи и, как истинный ценитель и художник, мог с одного взгляда определить, какую власть и какие черты характера даёт данная маска. Таков был его дар, и дар этот очень хорошо поощрялся Великими Архетипами — разумеется, Власть Дающими. Прозор жил в достатке, и войны его не беспокоили. Беспокоило его другое — то, над чем он размышлял уже долгое время: сам безликий. В его расплывчатости Прозор что-то замечал — и никак не мог разгадать эту тайну, понимая, что за ней непременно что-то стоит.

После утреннего обряда слияния с маской он позволил себе минуту новостей. Стена спальни ожила и заговорила бодрым голосом Башни Зрелищ. Сводка с Большой Доски: враг за Восточным морем передвинул флот на две клетки; в этом игровом бою наши геройские воинственные войска затопили главный крейсер противника — четыре попадания по прямой, без единого промаха. На чёрно-белом поле распрей наши Воители ответили жертвой пешечного города; аналитики Стола Правосудия называют размен блестящим. Прозор слушал вполуха. Он давно понял то, о чём не говорили вслух: у врага было точно такое же поле, такие же башни и тот же самый голод, и звался этот голод на всех языках одинаково — Корысть, возведённая в ранг государственности и нацеленная на одни лишь ресурсы. Две руки одного игрока делали вид, что борются. Одни корни — на которых прорастали такие же Башни, только на другой части суши.

Но то, что он понимал на самом деле, Прозор держал в голове так глубоко, что даже собственная маска не смогла бы прочесть, о чём он думает. Он не доверял маске: ему казалось, что она считывает мысли, желания и чувства, — и он выучился скрывать их, как никто другой. Сам он, талантливый мастеровой, считывал каждый штрих, каждую морщинку с чужого лица, как это делала бы самая мощная машина: он знал каждое состояние, каждую эмоцию, и скрыть от него нельзя было ничего. Но сам скрыть — мог. Как профессионал своего дела.

Глава вторая. Система

За окном, над плоскими крышами жилых ярусов, стояли три Башни — исполинские небоскрёбы Великих Архетипов, и каждая отражала подлинную суть своей ветви государственной власти.

Чёрная — Башня Войны, гранёная, как штык, — принадлежала Великому Архетипу Воителя. Эта верховная власть отвечала за добычу ресурсов и отнятие их у других государств; войны были единственным её методом достижения главных целей, и ради них совершались все безумные преступления, свершения и свержения власти — любыми средствами, по-настоящему хищно и паразитически. Архетипы Башни Войны выдавали маски воинственных воинов, завоевателей, тиранов — всех, кому нужен был достойный культ личности. Гордыни и самовластия у этой Башни было с избытком, но заслужить её маски могли только те, в ком было больше хитрости и коварства, стратегии и тактики, — люди-монолиты, которые мало что могли чувствовать и от которых веяло отбитой, ледяной, каменной непроницаемостью. В храмах их почитали Гордыней и рисовали с весами — только не с весами справедливости, а с разделяющей и властвующей гранью: на этих весах Гордыня взвешивала всё живое своими мерками и на всё живое вешала ярлыки — годен или не годен, должно или нет, достойно или

отвратительно, стоит уважения или ненависти. Они определяли, кому жить, а кому мучиться. Великие оценщики, назначающие цену каждому.

Вторая, Золотая, — Башня Потребления и Желаний — переливалась на солнце, как гигантский золотой слиток. Это был дом Великой Самости — Архетипа, наделявшего людей масками эгоизма и эгоцентризма, обособленности и самости; это было само ядро личности, Великое Эго. Такие маски замыкались на себе и думали прежде всего о себе — о своём мире, территориях, ресурсах, удовольствиях и ощущениях. Вся мода и вся культура выстраивались под интерес этой Башни.

И третья, зеркальная, — Башня Зрелищ, дом Великого Трикстера. Она не имела ни собственного цвета, ни собственной формы: она отражала всё вокруг — небо, толпу, две другие башни. Башня Зрелищ была особой: она заведовала себялюбием и удовольствием, актёрской игрой и идеальной фальшивкой. Такие маски были в моде и не требовали лишних усилий и жертв. Именно она назначала вес и цену лучшей лжи — такому обману, от которого стыла в жилах кровь. Маска Трикстера, Шута, Джокера была пределом ехидства и коварства, хитрости, предательства и эгоизма: человек в ней чувствовал себя богом, причастным к Верховным, и это делало его ещё самолюбивей.

Прозор служил в третьей — и к ней сейчас направлялся.

Каждая Башня вроде бы составляла свою отдельную грань иерархии и государственной власти, но объединены они были единой целью и единой жизнеобеспечивающей системой, на которой держалось всё государство, — как на трёх китах, над которыми высилось главное здание заседаний, где вели свои беседы три святителя, Великие Архетипы.

По дороге к Башне Прозор пересёк площадь Ювелирных домов и на минуту увяз в толпе. Этим утром выходила осенняя коллекция нового «Я». Очередь стояла с ночи — серая, дрожащая, готовая на всё, лишь бы заполучить новинку. Коллекция «Я» была выходом в свет новой модной маски, позволявшей увидеть себя под совершенно иным углом воззрения: она придавала уверенности и упёртости, а по описаниям должна была прибавить ещё и радикальности, поднять самооценку и себялюбие. Эту маску ждали давно; она была чем-то вроде обновления для сознания — новый виток воззрений, ощущений и состояний, манивший, как мёд пчелу. Это была уже не просто жажда и не просто жадность: люди готовы были разорвать друг друга, чтобы её получить, — и им за это, естественно, воздавалось улучшением места в очереди и Власть Дающими. Чем жёстче ты был, тем благосклоннее была к тебе система. Очередь на глазах превращалась в маленький путч, и толпа качалась, как вода в тазу. Женщина у ограждения рыдала, её дети бились за место, — но ссуду ей всё равно не одобрили, а саму отодвинули в самый конец: за то, что проявила слабость. Часть её Власть Дающих списали автоматически. Такова была суровая реальность: или ты зубами выгрызаешь своё и становишься привилегированным — или ты в ногах у сильных мира сего. Прозор наблюдал этот ужас со стороны, делая вид, что всё это нормально. И прошёл мимо как ни в чём не бывало.

Мир сходил с ума по маскам. Это доходило до настоящего безумства — до преступлений и жестоких схваток, в которых умирали прямо на улице; за такие тяжкие преступления даже не судили, а поощряли: переводили в ряды Башни Войны, на передок, отняв все прежние маски и выдав лишь те, что помогают выжить в боевых условиях.

Объявлялась новая огранка — и за неё отдавали всё, вплоть до души. Душа в преискуранте шла дешевле маски; а точнее, её давно отвергла наука, вычеркнув как абсурд без основания, и на неё был наложен запрет под грифом смертельной статьи: за одну мысль о ней, за одно слово можно было вмиг лишиться всего.

Прозор шёл сквозь толпу вторым взглядом — врождённым, тем, с которым не выучиваются, а рождаются, один на сто тысяч. Таких, как он, не выбирают — таких находят: в детстве, по доносам собственных матерей, и забирают в Башню, потому что слепая система не может проверять швы слепыми руками. Он видел не одежду и не тела — он видел грани. Город

лежал перед ним ювелирной витриной: караты самоуверенности, глубина огранки ума, чистота породы характера, дерзость скола. Прозор был как самый мощный детектор лжи: с одного взгляда он определял естественность и глубину ощущений, даже если их прятали за слоями непроницаемости.

Маски были двух пород, и породы не смешивались. Внизу шла серия — коллекции Ювелирных домов, тираж, копия: миллионы масок, неотличимых одна от другой, и под ними — Прозор знал это по реестрам — вызревали такие же неотличимые жильцы: пустые, ровные, на одно нутро. Легион Великого Паразита, штампуемого из людей своё подобие — тёмное и бездушное. Серию носила обычная серая масса, и масса была довольна: одинаковость грела. А над серией стояла огранка — оригинал, штучная работа, маска, не похожая ни на одну из живших до неё. Вот за неё и платили властью: Великим Архетипам, которым сверху видно всё и которые знают, как должно быть по их сценарию, не нужны серые. Им нужен талант — только тёмный, гранённый под их инстинктивный запрос: блесни собой оригинально, укуси особо, возьми искусно. Оригиналу получал привилегии и место у подножия Башен. Серия получала зависть к оригиналу — и это тоже была валюта.

У края площади детей строем вели в музей — младшие ярусы, обязательная программа. Программа, созданная Великими Архетипами, обязывала видеть правильно — видеть те вещи, которые она преподносила как Абсолютные Истины. Все должны были видеть одинаково, под одним углом; другого угла просто не существовало и не должно было существовать, ибо иной взгляд рождает иное мнение — не соответствующее системному, абсолютному убеждению.

Фильмо-Музей Вымерших Болезней был для детей самым захватывающим местом: в нём обитали те древние существа и паразиты, что погубили прежние расы и цивилизации, и их можно было увидеть воочию. Музей располагался на самом нижнем ярусе, в самом тёмном зале, наводившем один только ужас: скупо освещённый, весь в огромных стёклах, похожих на ожившие экраны, — а за стёклами находились они. Под бронестеклом в метр толщиной, под исполинской лупой, виднелось древнейшее существо — тварь, паразит, убивший миллиарды: Клещ-Моралиус. За другим стеклом показывали червя с подписью «Червь-Нравственный» — жуткое, мелкое и отвратительное чудовище, от которого умерла предпоследняя раса людей. В третьем отражалась «Саранча-Духовная», в четвёртом был виден змей, в пятом — сороконожка, в шестом — паук... Отделений и названий было столько, что ходить можно было целый день, — а после дети уже не могли нормально спать: им снились все эти дикие паразиты, и страх перед ними преследовал их долгие годы. Страх — мощнейшее оружие манипуляции; Великие Архетипы знали об этом всегда и ничего не делали зря.

Экскурсовод понижал голос:

— Дети, вот страшнейший вирус в истории человечества. — Он указывал на витрину. — Его имя — Совесть-Проклятая. Самая смертоносная тварь, что когда-либо жила на земле. Мы истребили её полностью. Но если она появится вновь — вы должны знать, что с ней делать.

— Да, да! — кричали дети. — Убить! Уничтожить!

— Верно, — отвечал экскурсовод. — Эта тварь передавалась через взгляд и через живое слово; она поражала нервную систему, а с нею и волю, и лишала заражённого способности дышать. От неё, дети, вымирали целые нации и цивилизации — как когда-то вымерли динозавры. Лекарства не нашли. Нашли вакцину — и вакцина эта на каждом из вас.

Дети прижимали ладони к щекам, где уже прочно, до полной неотличимости, приросло их маленькое второе «я» — маска, — и им не было страшно: они были привиты.

— А динозавры от чего вымерли? — спросил один ребёнок.

— От древнейшей Интуиции. Это тварь куда более паразитирующая и ужасная. Надеюсь, такой хищной твари больше никогда не будет — иначе все мы выйдем за считанные дни.

Глава третья. Стирание

Палата Прилегания занимала сороковой ярус Башни Зрелищ. Над рабочим креслом Прозора висел портрет Великого Толкователя — пророка в круглых очках, отца всех масок: того, кто первым разъял человеческую душу на четыре покрова, описал каждый в отдельной диссертации — и тем разрешил людям никогда больше не собирать себя воедино. Три лица составили догмат веры: Гордыня, Трикстер, Самость. Четыре покрова — Персона, Тень, Мужское и Женское, самостное ядро — дали по три грани каждый, и так родились двенадцать законных масок, из которых сложено общество, как свод из камней и скрижалей. Тринадцатой маски для простых смертных не существовало. О ней знали лишь особы, приближённые к Великим Архетипам, — и одним из них был Прозор. Само знание о тринадцатой маске держалось под строжайшим секретом, а разглашение каралось смертью — немедленно.

В десять утра, в самый разгар работы, в кабинет Прозора привели умалишённого — так, во всяком случае, он выглядел: человек изображал то ли Шута, то ли Джокера.

Дело, по всей видимости, было особой важности и оттого срочное: артист третьей огранки, имя-маска Арлекин, любимец нижних ярусов. Донос подала его собственная труппа. Вчера, на восьмой минуте комедии «Свадьба гололицего», он заплакал — не к месту, не вовремя и очень странно. Публика смеялась и аплодировала: решили, что новый приём. Но труппа знала регламент слёз: сценическая влага подаётся по капилляру, две капли на реплику, температура — тела. А эти слёзы были горячей положенного, и эмоциональная составляющая была живой.

Прозор велел крепче держать подозреваемого за руки, сам приблизился вплотную, поднёс к его лицу своё зеркало и включил второй взгляд на полную глубину.

Маска Шута, отражённая в его особом зеркале, была превосходной работы: старая школа, глубокая посадка, грани смеха отполированы тысячами залов. Естественности — почти ничего, одно ехидство. «Откуда же пропустили эти чистые слёзы?» — думал про себя Прозор. Но у левого края, там, где у людей когда-то помещалось то, чему в реестрах давно нет имени, шёл зазор — и странное пятно. Тонкий волосяной покров на коже под глазом был примят влагой — по всей видимости, слезами; мокрый отпечаток сохранился ещё очень хорошо.

— Когда последний раз смеялся до слёз? — спросил Прозор.

— Что вы... никогда, — ответил Шут. Прозор уже знал, что он врёт.

— Больно? — спросил Прозор. Вопрос был не по протоколу.

— Щекотно, — сказал Шут и улыбнулся всеми гранями сразу. — Господин оценщик, вы ведь можете записать: дефект жидкостной регуляции. Такое же бывает.

— Бывает, — сказал Прозор.

И это была правда — в старом, вымершем смысле слова. Такое бывало: раз-два в год на всю его практику маска давала течь. И всякий раз он писал одно и то же.

Он посмотрел артисту прямо в зазор — и на мгновение ему показалось, что оттуда, изнутри, на него тоже кто-то смотрит. Не Шут. Кто-то моложе Шута лет на сорок.

— Регламент, — сказал Прозор и подписал: «Прилегание нарушено. Восстановлению не подлежит».

Ловчие вошли тут же и без стука — они всегда входили без стука. Они были уполномочены на мгновенную ликвидацию приговорённого без суда и следствия, ибо и судом, и приговором здесь являлся сам Прозор. Серые костюмы, вытянутые фигуры — все словно одного роста и на одно лицо, как близнецы, без единой приметной грани. И это было сделано нарочно: их маской было само отсутствие маски, идеальная незапоминаемость, — взгляд соскальзывал с них, как вода со стекла. Их называли санитарами свода. Они появлялись там, где проступало живое, — потому что живое рождало вокруг себя такое же живое: чувство, ощущение, чистое состояние.

Увидев Ловчих, Шут бросился к окну — он хотел выпрыгнуть, разбив стекло, а вместе с ним и своё лицо, чтобы потом никто ничего не смог доказать по увечьям. Его перехватили

мгновенно и заломили руки; он с пеной у рта пытался вырваться, но бился уже, как муха в лапах огромных пауков.

Шута увели с боем, под локти, как больного. К вечеру его имя исчезло из афиш, из реестров и из памяти трупы — трупке оплатили коррективку по тарифу соучастников, Власть Дающими. «Свадьба гололицего» шла тем же вечером с аншлагом: на роль встал другой, и ни один зритель не заметил замены, потому что маска осталась той же самой, а лиц в этом мире не было.

Это называлось стиранием. За двадцать лет Прозор подписал сто четырнадцать стираний и спал хорошо. Но в этот вечер он поймал себя на невыгодной мысли — второй за день, непозволительная роскошь. Мысль была короткая: слеза была красивая. Он видел её в протокольной записи, восьмикратно увеличенную: она выходила из зазора и несла в себе свет, которого не было в софитах. Прозор стёр запись из личного архива. Запись стёрлась в один момент — а вместе с ней, навсегда, и вся официальная память о случившемся: теперь это хранилось только в его голове. Но вопрос повис в воздухе и не давал о себе забыть — как и все предыдущие дела по стиранию. В каждом из них был свой случай естественности, и Прозор эти случаи стирал начисто — и за это исправно вознаграждался соответствующими Власть Дающими, к которым даже не притрагивался. И это его тоже беспокоило.

Глава четвёртая. Искусство обмана

Дома у Прозора был праздник.

Ива — дочь, пять лет, красивые брови, материнская лепка скул, которых никто никогда не увидит, — сегодня впервые удержала полное прилежание, а для её возраста это было добрым знаком. Весь день, от подъёма до купания: ни одного живого пятна, ни одной вспышки не по возрасту. Вживание начинается с младенчества, с первого понимания, и идёт, как идёт всякий великий труд, — незаметно: сначала первая ложь, потом обман, потом скрытая коварность; а дальше — игра, актёрская выдержка и главное умение: понять искусственность чувства и придать ему абсолютность в убеждении и вере. Вот она, идеальная формула нужного образа, способного обмануть любого. Это не просто вживание в лживый образ — это целое искусство, школа здешней жизни. Слово «стыд» в этой формуле отсутствовало полностью: стыд вымер вместе с вирусом из музея. Наставница прислала грамоту: девочка перспективная, огранка ума редкая, Архетипы таких любят.

Жену Прозора звали Луна. Её саму родители не воспитывали — предоставили ей воспитываться самой, — но у Луны была своя хитрая жилка, и дочь она обучала мастерству обмана и влиянию инстинктивных программ сама. Это было целое искусство, которым в совершенстве владели лишь приближённые к верхушке Великих Архетипов — к логову хищных Паразитов. Выдержанная, холодная своим ровным протокольным теплом, Луна принимала поздравления соседей и искусственно светила всеми гранями. Прозор стоял среди праздника, кивал, поднимал чашу за прилежание дочери — и чувствовал под собственной маской тонкий холодок, которому не знал имени. По всем реестрам полагалось чувствовать гордость и самодовольство. Только в этот раз Прозор чувствовал нечто иное.

Перед сном Ива спросила из-под одеяла:

— Пап. А когда я сплю — куда уходит моя маска? Она всегда со мной, во сне?

Это был очень точный вопрос — тот самый, над которым Прозор и сам подолгу думал в последнее время. И в этот миг к нему пришло что-то похожее на прозрение: как резко зажжённый свет в тёмной комнате сознания, в одно мгновение осветивший всё это тёмное помещение. Прозор что-то увидел и что-то понял. Но пауза вышла слишком долгой и подозрительной, а медлить с ответом было нельзя: зеркала в её комнате видели всё.

— Тоже со мной, — сказал Прозор. — Всегда.

— А под ней что?

Полагалось ответить: под ней ничего; маска и есть ты; она — твоё истинное «я», без неё мы никто и ничто; она — твоя личность, основа и причастность наша к Великим Архетипам и к самому Великому ремесленнику. Так отвечали все отцы всем детям тысячу лет, и это был единственный ответ, который полагался и за который не наказывали.

— Спи, — сказал Прозор.

И впервые в жизни заметил, что уклониться от ответа и солгать — не одно и то же. Между ними был зазор. Ему так хотелось сказать ей, рассказать о своих догадках и подозрениях. Но этого делать было никак нельзя.

Глава пятая. Дело 11/б

Файл пришёл в полночь, по закрытому каналу, под грифом трёх Башен разом. Такого грифа Прозор не видел ни разу за всю службу.

«Дело 11/б. Аномалия прилегания. Категория: угроза свода».

Мальчик. Одиннадцать лет. Нижние ярусы, восточная окраина, мёртвая зона Древа — из тех дыр, где дань собирают раз в неделю, потому что брать нечего, и потому контролировать ту зону было особой проблемой. Три вживания: в младенчестве, в три года и в семь. Три лучшие маски детской линейки — «Унылый», «Озлобленный», «Печальный». Все три отпали сами. В заключении наставников стояла фраза, от которой у Прозора остановилось дыхание, — писавший, судя по канцелярскому почерку, сам не понял, что написал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.